

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВИЧА Варенникова звали "знаменосец Победы". Это он доставил на Красную площадь Знамя Победы и тем самым открыл тот мистический парад 1945 года. И всю свою долгую славную жизнь он нёс на себе этот победный ответ. Он прошёл войну от Волги, сражаясь под Сталинградом, замыкая кольцо вокруг Паулюса. Он бился на Украине, форсируя Днепр. Он шёл по болотам Белоруссии, участвуя в операции "Багратион". Он штурмовал Зелевские высоты под Берлином и 2 мая 1945 года был у рейхстага.

Я познакомился с Валентином Ивановичем в его штабе в Афганистане, где он был представителем Ставки. Он занимал небольшой домик рядом со штабом 40-й армии — тем самым дворцом Амина, который штурмовали группы спецназа. Валентин Иванович пригласил пообедать посетившего тогда Афганистан поэта Анатолия Сафронова, главного советника при президенте Кармале Виктора Поляничко и меня, находившегося в ту пору в Афганистане писателя. Он поразил меня своей статью, выправкой, благородной красотой, которой отличаются русские военачальники, прошедшие горнило нескольких войн.

В нём было нечто аристократическое — в его больших устах, в сдержанной улыбке, спокойном взгляде глаз.

Он рассказывал нам о ситуации на юге Афганистана, где сам принимал участие в создании оборонного кольца вокруг Кандагара, разместив опорные пункты и придорожные заставы. В то время давление моджахедов на Афганистан усилилось. Караваны с оружием из Пакистана шли непрерывно день за днём.

Выпив с Варенниковым бокал вина, я поднялся. "Жму руку", — сказал Варенников. И с этим рукопожатием я отправился в Кандагар.

Я жил на ближайшей к городу заставе, которая звалась "Застава ГСМ", ибо там до войны размещались запасы горюче-смазочных материалов и была бензозаправка. Теперь это был маленький укрепленный район, усиленный автоматчиками и скорострельной самоходной пушкой "Шилка". С этой заставы я наблюдал непрерывное движение колонн: из Союза с боезапасами и горючим, и обратно в Союз — за очередной порцией груза.

Я был в Афганистане в начале войны и проехал по этой дороге: пыльная, с синим бетонным покрытием, с волшебными разноцветными горами по обе стороны. Кругом были поля, виноградники, гончарного цвета кишлаки. Теперь же это была изрытая взрывами трасса, вдоль обочины тянулись непрерывные гигантские свалки сожжённых БТРов, КАМАЗов, наливников. И эта свалка каждый день пополнялась.

Моджахеды, скрываясь в виноградниках днём, ночью выходили на дорогу, минировали её, устраивали засады.

Утром, когда шли колонны, мы слышали взрывы, мимо заставы в город проносились очумелые санитарные вездеходы с убитыми и ранеными.

Помню ночные бои, когда с темнотой наша артиллерия начинала обстрел виноградников, накрывая прятущихся там моджахедов сплошным огнём. Тогда над этими виноградниками, над разрушенными кишлаками повисали осветительные бомбы. Жёлтые, как огромные лимоны, они медленно спускались на парашютах, качались, освещая всё призрачным потусторонним светом. Застава, на которой я находился, через несколько дней после моего отъезда была сожжена дотла атакующими моджахедами, выступившими по ней сотню реактивных снарядов.

Вторая моя встреча с Варенниковым состоялась в Азербайджане, когда в Баку шли бои, пахло гарью, и всё приближалось к распаду государства. С группой писателей я был в Азербайджане. Мне хотелось показать моим товарищам, никогда не видевшим войны, всю драму карабахского конфликта, когда один народ ополчился против другого. И в этот конфликт втягивались советские солдаты из двух армий, одна из которых стояла в Азербайджане, а другая — в Армении. Наёмники из этих двух армий уходили на войну, сражались по разные стороны линии фронта и убивали друг друга.

Мы с писателями находились на аэродроме Гянджи, готовились к отлёту, ждали самолёт, который мог бы отвезти нас в Москву. Самолёта не было, и он не ожидался ни сегодня, ни завтра. Я увидел садящийся на взлётное поле вертолёт. С вертолётки сошёл генерал Варенников в окружении свиты военных, он отдавал краткие распоряжения. Варенников отправился обратно на борт, когда я окрикнул его: "Валентин Иванович!"

Он обернулся, остановился, я доложил ему наши проблемы. При мне он приказал связаться с бортом, который летел из Баку в Москву, вёз офицеров, участвовавших в бакинских событиях. Самолёт по приказу Вареникова сделал крик, опустился в Гяндже, и мы перебрались на переполненный борт. Сидели не в креслах, а кто на полу, кто на ящиках. Я сидел на полу рядом с креслом, в котором крепкобóйный сукастый полковник читал какую-то книгу. Книга была воспоминаниями генерала Деникина, а полковник, отработав в Баку, пройдя трагический 1991 год, в будущем оказался генералом Лебедем.

Прощаясь со мной в Гянджи, Варенников снова сказал: "Жму руку".

Ещё одна встреча была накануне грозных событий 1991 года. Тогда Горбачёв и Яковлев решили создать в Советском Союзе многопартийную систему, чтобы наряду с коммунистической партией возникли другие партии-попу-

тики. Крючков с помощью госбезопасности сумел создать либерально-демократическую партию Жириновского, которая существует по сей день.

Была попытка создать патриотическую русскую партию, и это поручили Вареникову. Он пригласил меня к себе, обсуждал со мной проблемы патриотического движения в России и создание союза из небольших патриотических организаций, превращение этого союза в партию. Эти усилия ничем не кончились, ибо наступила пора ГКЧП. Вареников был отправлен Язовым в Киев, где должен был контролировать состояние войск и состояние южного фланга Советского Союза.

Он вернулся в Москву после краха ГКЧП, и я позвонил ему из редакции газеты "День", просил объяснить случившееся. Он был сдержан, немногословен и на прощание сказал: "Жму руку".

Ещё раньше он помогал нам, едва сложившейся газете "День", не имевшей ни своих помещений, ни штата. Я пришёл к нему в Штаб сухопутных войск — этот огромный помпезный имперский дом, расположенный на Фрунзенской набережной. Вареников, в ту пору командующий Сухопутными войсками, принял меня в своём громадном кабинете. Я просил его помочь с помещением. Он распорядился, и нашей газете выделили в Москве, недалеко от Новоспасского монастыря, военный модуль. Для нас это было большое счастье. Там было множество кабинетов, мы отремонтировали эти комнаты, повесили на дверях таблички с названиями отделов, с именами заведующих. Но мы не успели провести здесь ни одного своего

заседания — последовал разгром ГКЧП, арест Вареникова, и новый, ельцинский, командующий Сухопутными войсками Семёнов изгнал нас из этого варениковского помещения.

Вареников оказался в тюрьме. Когда случилась амнистия, и ГКЧПисты были выпущены на свободу, Вареников не принял этой амнистии и защищал свою честь в суде. Ельцинский суд судил знаменосца Победы, судил Победу, судил тот священный парад. Какими они были жалкими, и как скоро они провалились! Вареников выиграл процесс, и с него была снята судимость.

Когда он находился в тюрьме, наша газета писала о нём, поддерживала его, была ему, хоть и слабым, но подспорьем.

Позднее, в другие времена, когда он стал депутатом Государственной думы, когда гудя его украшала Звезда Героя Советского Союза, и он возглавлял общество всех Героев Советского Союза, он привнёс в Думу этот победный дух. Я навещал его, и после каждой нашей недолгой встречи он поднимался из креста во весь свой статный рост и говорил мне: "Жму руку".

Теперь, когда Валентина Ивановича нет среди нас, я думаю о нём, вспоминаю бокал вина, выпитый в штабе 40-й армии. Вспоминаю жёлтые, лимонного цвета осветительные бомбы над кандагарской заставой. Вспоминаю его спокойное благородное лицо. И в дни затруднений, уныния, в дни грозные или печальные для нашей страны, я вспоминаю его бодрящие слова: "Жму руку".

Александр ПРОХАНОВ

Окончание. Начало — на стр. 1

БОЛЕЕ ТОГО, не ведётся и речи даже о такой геополитической мере ограничения коррупции, как перевод государства и всех его контрагентов на электронную систему принятия решений. Помимо большой экономики, в её рамках просто не остаётся времени на выстраивание и отладку коррупционных механизмов, а главное — появляется возможность скрытого, незаметного для проверяемого, а то и повсеместного контроля.

Соответственно, несмотря на подлинную истерику вокруг пресловутой "цифровизации", нет и реальных мер в сфере повышения эффективности государственного управления. В конце концов, у государства наглядно отсутствует цель его существования — главная задача, которую оно призвано решать в интересах общества (не путать с коррупцией!) А отсутствие цели лишает все усилия по повышению эффективности главного — системы координат, понимания, "зачем это всё".

В результате пляски по поводу повышения эффективности оборачиваются либо бессмысленным и только мешающим работать "укреплением дисциплины" до полного абсурда (в стиле Чубайса 1996-го или Шувалова середины "нулевых"

Михаил ДЕЛЯГИН ЧТО С «ОБОРОНКОЙ»?

Причины недофинансирования российского ВПК

годов), либо нелепыми "реформами ради реформ" — подобием поиска волшебной формулы, позволяющей рассчитать вклад каждого ведомства и даже чиновника в то или иное достижение (обычно вызываемое ещё и не связанными с ними событиями вроде удорожания нефти).

Возможно, многие действия по повышению эффективности оборонного комплекса незаметны для стороннего наблюдателя в силу его объективной закрытости.

Однако даже со стороны видно, как некоторые фельдфебельские меры "наведения порядка" подрывали эффективность, а не укрепляли её. Так, введение для удобства бухгалтерского контроля требования "один контракт — один счёт для поставщика" увеличил административные расходы бизнеса, в результате чего многие малые и даже средние предприятия, производившие достаточно простые изделия, были вынуждены отказаться от сотрудничества с ВПК, так как не могли нанимать дополнительное число требуемых этой схемой бухгалтеров.

На наших глазах ряд официально разрекламированных успехов оборонки обернулся болезненными поражениями. Скажем, танк "Армата" (который сначала рекламировался как целое "семейство") крайне разнообразных систем вооружения, а потом был свернут до единственного изделия Т-14), вопреки всем официальным восторгам, насколько можно понять, так и не принят на вооружение и, тем более, не запущен в серийное производство.

Серийное производство Су-57 (пока произведено 10 "лётных прототипов") началось летом прошлого года; о степени его "серийности" свидетельствует то, что первый самолёт разбился в декабре 2019 года, а во втором сообщалось, что он "почти готов" этим летом. После чего появились сообщения о том, что серийное производство (понятно, очень сложное) "находится под угрозой срыва".

Первый опытный образец дальнего бомбардировщика "перспективной авиационный комплекс дальней авиации (ПАК ДА)" (Су-57 назывался аналогичным комплексом фронтовой авиации — "ПАК ФА") начали собирать в мае 2020 года. До конца года намеревались начать испытание двигателя на Ил-76, осуществить первый полёт в 2025 году и принять на вооружение до 2027 года, однако общий управленческий принцип растягивания сроков реализации намеченного из-за недофинансирования (на современном бюрократическом волюнтаризме "перенос вправо") не позволяет даже надеяться на выполнение этих сроков — тем более, в условиях сокращения финансирования оборонных расходов.

Кстати, растягивание сроков реализации проектов (по-советски) — "омертвление средств в незавершёнке" драматически снижает эффективность использования даже имеющихся скудных средств и усугубляет разрушительный эффект внезапного сокращения финансирования.

А ведь изложенное касается только традиционных видов вооружения, находящихся в фокусе бюрократического внимания. Между тем нападение Азербайджана на Армению в Нагорном Карабахе показало важность новых методов и инструментов ведения боя, включая барражирующие боеприпасы и массовое использование дронов, которыми у нас, насколько можно судить, уделяется совершенно недостаточное (даже по сравнению с Турцией) внимание.

ПЛАЧЕВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВПК — РЕЗУЛЬТАТ СПЕКУЛЯТИВНОЙ ОРИЕНТАЦИИ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ВЛАСТЕЙ

Значительная часть оборонных расходов является таковыми только на бумаге. На деле государство выделяет средства на погашение банковских кредитов предприятий ВПК, на которых в России всё ещё работают два миллиона человек. Здесь работает та же логика, что и в бюджетной политике в целом: либералы во власти рассматривают в качестве главного приоритета бюджетных расходов обеспечение сверхприбылей финансовых спекулянтов.

Именно поэтому федеральный бюджет неуклон наращивает займы, даже захлебываясь от денег: реальный приоритет Минфина — вскармливание финансовых спекулянтов деньгами российских налогоплательщиков через вы-

плату процентов за никому, кроме кредиторов, не нужные займы.

Именно поэтому вместо прямой поддержки ключевых проектов государство занимается субсидированием банковских процентов, на деле субсидируя тем самым злоупотребление монопольным положением крупнейших банков.

Именно поэтому вместо прямых, достойных пособий на детей государство выделяет "материнский капитал", который можно использовать только на крайне ограниченные цели и только через 3 года после рождения ребёнка. Глумливое официальное обоснование этого издевательства тем, что иначе матери-де пропют детские пособия, просто прикрывает заинтересованность в этом уродливом и донельзя нелепом инструменте финансовых спекулянтов, застройщиков, частной медицины.

Тот же подход применяется и в отношении ВПК. Иезуитской либеральной финансовой политикой его предприятия обречаются на, по сути дела, принудительное взятие кредитов. В результате вице-премьер Борисов справедливо указывал, что ВПК работает, по сути дела, на банки: его прибыли примерно соответствует его задолженность, что практически исключает возможность самостоятельного развития.

Естественно, это соответствие существует лишь "в общем и целом", и необходимости спасения многих предприятий ВПК от банкротства с утратой жизненно необходимых для обороноспособности страны технологий требует выделения из бюджета средств на погашение банковских кредитов.

Понятно, что о реально "импортозамещении" в условиях финансового удушения предприятий не может идти и речи. В результате критически значимая часть военной продукции производится с использованием импортных компонентов, в первую очередь — электроники.

Помимо очевидных угроз для безопасности и обороноспособности (яркой иллюстрацией которых стало объявление Западом полного прекращения всех поставок для российской авиации), высокая импортозависимость обеспечивает существование повышенные издержки при каждом ослаблении рубля.

А неадекватность государственного управления, по-прежнему, как в святые для них и кровавые для всех остальных 90-е, осуществление российских либералами в интересах финансовых спекулянтов против народа России, обеспечивает неизбежное падение курса нашей национальной валюты. Хотя бы потому, что это единственный способ поддержать приток средств в бюджет при продолжении либеральной политики разграбления и разрушения России, её дебилизации и блокирования всяких попыток развития на территории нашей страны.

Понятно, что государство, сокращая общее финансирование национальной обороны, не будет увеличивать расходы для компенсации роста издержек, вызванных девальвацией рубля, — точно так же, как это было в 90-е. И, соответственно, реальная покупательная способность выделяемых средств сократится ещё сильнее, чем предусмотрено в федеральном бюджете. При этом сокращение это будет принципиально непредсказуемым, так как, например, демонстративное награждение главы Банка России Набиуллиной после полностью руковаторной и крайне разрушительной двукратной девальвации рубля в 2014 году не могло не исказить систему даже бюрократических мотиваций отечественных либералов до полной неопределённости.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ФИНАНСОВОГО ГОЛОДА В ВПК

Концентрируя в федеральном бюджете колоссальные средства (по данным Минфина, за июль-август неиспользуемые остатки выросли почти на 1 трлн. руб., — до 12,9 трлн. руб. на 1 сентября) в рамках единой для либералов парадигмы "деньги России не должны служить России" — этого финансового воплощения принципа "Россия не для русских", либеральные власти удерживают на голодном пайке весь реальный сектор, в том числе и ВПК.

Это является надёжным способом блокирования развития и вымирания населения, по сути дела, перманентной социальной катастрофы, однако недопущение системного развития ВПК играет в этой стратегии особую роль.

Ведь расходы на ВПК как наиболее технологически развитую часть российской экономики не просто максимально эффективны с точки зрения сохранения (или создания) рабочих мест и обеспечения здоровья общественной психологии. Развитие ВПК сохраняет и создает привычку общества и управляющих системы к сложным технологиям (хотя бы на уровне "это хороший инженер, ему можно перечить заместителю директора"), — и тем самым сохраняет хотя бы потенциальную конкурентоспособность России на мировой арене.

Именно в этом (помимо страха Запада перед российской армией) главная причина животной ненависти российских либералов к ВПК и постоянному стремлению всеми силами, под любыми предлогами, в том числе самыми лживыми, сократить его финансирование.

Ушедший от земного правосудия Гайдар в 1992 году заявил директорам ВПК, что будет не отказываться от обязательств бюджета по госбоноразказу, а просто не исполнять их. В результате финансирование ВПК было урезано более чем втрое, — пока в многочисленных усилиях Горбачева и его камарилы "горячих точек" не начало

Такое не повторится никогда!

массово всплывать оружие заводского изготовления, но без заводских номеров.

В последние годы непревзойдённые вершины либерального иезуитства демонстрирует возвращённый в руководство страны Кудрин, призывающий сокращать оборонные расходы ради... развития науки и технологий! При этом он старательно делает вид, будто даже не догадывается, что едва ли не единственная сфера, в которой его единомышленникам и ему самому во время 12-летнего пребывания на посту министра финансов не удалось уничтожить науку и технологию, является именно оборона. Развитие науки и технологий, к которым он на словах призывает, на деле требует не сокращения, а всемерного наращивания оборонных расходов.

Впрочем, это естественно для либерального бухгалтера. Кудрин, как и его коллеги по либеральному клану, похоже, в принципе не подозревают об инвестиционном характере деятельности государства, то есть не осознают, что расходные бюджеты деньги должны приносить не только абстрактную пользу, но и совершенно конкретное общественное благо: вложенные в экономику — будущие налоги от созданных предприятий; вложенные в социальную сферу — будущие налоги от хорошо зарабатывающих образованных людей; и сокращение расходов на правоохрану, вложенные в оборону — и то, и другое (помимо само существования общества и сохранения его хотя бы формального суверенитета).

Для либералов расходы бюджета — это не инвестиции, а исключительно бессмысленные и бесполезные "траты", которые надо сокращать любой ценой (кроме, разумеется, расходов на содержание самих этих либералов). В данном случае сам их язык изобилует Кудрина и ему подобных, — но им можно не тревожиться об этом, так как Россия почти полностью находится под их контролем.

Удерживая ВПК на голодном финансовом пайке, либералы исключают возможность не просто развития, но и создания новых, пусть даже жизненно необходимых направлений, так как для этого нужны дополнительные расходы на пере-профилирование производств, — а у них в самом лучшем случае есть средства только для линейного, монотонного продолжения своей прежней деятельности, даже если эта деятельность уже не очень-то и нужна.

Российское государство попало в ловушку либерального подхода: проведя в общем и целом перевооружение армии, оно стало сокращать расходы, по сути, удущая производства, только-только, впервые за десятилетия национального предательства, вдохнувшие полной грудью.

Сохранение финансирования могло позволить этим предприятиям выйти на качественно новый уровень, освоить новые виды изделий, в том числе и гражданского назначения. Но, чтобы не допустить этого, государство прихлопнуло их сокращением финансирования.

В результате сегодня финансирование ВПК в значительной степени носит социальную, а не оборонную функцию: заводы поддерживают не потому, что их продукция необходима, а потому, что их закрытие вызовет чрезмерное недовольство. Это с неизбежностью понимают и руководители, и работники этих заводов, результатом чего служит включение механизмов жесточайшего отщипывания кадрового отбора.

ЛИБЕРАЛЫ ПРОТИВ ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ

Правящий и владеющий Россией либеральный клан с предельной жесткостью вы-

ступает против ВПК как символа всего ненавистного им: интеллекта, патриотизма, свободы и независимости.

Однако в основе этой ненависти лежит простой коммерческий интерес: служба финансовым спекулянтам против своих народов, либералы вполне справедливо считают каждый рубль, вложенный в реальный сектор, украденным у финансовых спекулянтов.

Коррупционер копит деньги и имущество, которые служат ресурсом для финансовых спекуляций (особенно когда, наворовав достаточно, он выводит активы в "фешенебельные" страны). Поэтому современные либералы, используя обвинения в коррупции как универсальную политическую дубинку, на деле всячески поощряют коррупцию и, как свидетельствуют скандальные хроники, сами становятся эффективными коррупционерами при первом же удобном случае.

А вот оборонные предприятия (ещё во многом засекреченные) ресурсами для финансовых спекуляций (особенно когда, наворовав достаточно, он выводит активы в "фешенебельные" страны). Поэтому современные либералы, используя обвинения в коррупции как универсальную политическую дубинку, на деле всячески поощряют коррупцию и, как свидетельствуют скандальные хроники, сами становятся эффективными коррупционерами при первом же удобном случае.

А вот оборонные предприятия (ещё во многом засекреченные) ресурсами для финансовых спекуляций (особенно когда, наворовав достаточно, он выводит активы в "фешенебельные" страны). Поэтому современные либералы, используя обвинения в коррупции как универсальную политическую дубинку, на деле всячески поощряют коррупцию и, как свидетельствуют скандальные хроники, сами становятся эффективными коррупционерами при первом же удобном случае.

Разумеется, служба глобальным финансовым спекулянтам совершенно несовместима с признанием суверенитета какого бы то ни было государства, кроме США как оргструктуры глобальных финансовых спекулянтов, а также Англии и Израиля как убежищ для воров всего мира, к настоящему времени приведших себя в опасную близость к состоянию криминальных помоек.

Среди прочих суверенитетов отрицается и суверенитет России, причём, поскольку Россия наименее зависима от глобальных спекулянтов из всех относительно развитых стран, не считая разве что Китая, её суверенитет воспринимается как нечто абсолютно недопустимое, а инструментом обеспечения этого суверенитета, оборонный комплекс — как нечто, подлежащее максимально полному уничтожению.

Ярчайшей иллюстрацией отношения либералов к суверенитету России представляется то, что созданный для интеллектуального обеспечения президентства Медведева его "мозговой центр" — Институт современного развития — уже после попытки грузинских фашистов устроить геноцид южных осетин в 2008 году последовательно настаивал на том, что главной преградой на пути эффективного социально-экономического развития России является... наличие у неё ядерного оружия.

Напомню: нас не бомбят, не уничтожают, не стирают с лица земли, как это было с другими ненужными Западу народами и как это продолжается прямо сейчас, только потому, что у нас есть ядерное оружие и средства его гарантированной доставки на территорию любого агрессора.

Таким образом, российские либералы (по крайней мере, обслуживающие бывшего и, вероятно, будущего президента России — Медведева) вполне открыто и официально сочили главным тормозом развития России то, что нас нельзя бомбить.

Это отношение к нашей обороноспособности объединяет, насколько можно судить, весь захвативший нашу Родину и подчинивший её себе либеральный клан, — и находит яркое и убедительное выражение в бюджетной политике Российского государства.

ШАНС ДЛЯ ИМПЕРИИ

Место гегемона становится вакантным

ДЛЯ РОССИИ наступает время больших возможностей. И, как это водится в наших геополитических краях, оно же может стать временем великой смуты со всеми вытекающими последствиями. Однако у Империи есть немалые шансы выйти победителем в грядущей схватке за мировое лидерство или, по крайней мере, сильно укрепить свои позиции.

Соединённые Штаты Америки оставляют кресло мирового гегемона. Это происходит в силу объективных экономических причин. Глобальная экономическая модель, на которой основывалось благосостояние США и их спутников, полностью исчерпала свой ресурс и замены её на текущий момент не существует. Поддерживать созданную на сверхдоходы финансового сектора инфраструктуру своей власти США больше не в состоянии. В ноябре предстоит нешуточная схватка между политической надстройкой финансового капитала — Демократической партией и республиканцами — партией, представляющей производственный сектор американской экономики. Накал предвыборной борьбы, беспорядки в американских городах, по сути — разминка перед генеральным сражением, цена которому спасение либо финансовых структур, либо промышленности США. Все основные ресурсы участников будут брошены в эту битву. Последствия этой схватки трудно спрогнозировать, однако ясно, что на период этого противостояния поддержка со стороны США антироссийских процессов в Европе и на постсоветском пространстве будет ограничена.

Для антироссийской коалиции в Европе наступают непростые времена. Для Польши сокращаются субсидии, благодаря которым обеспечивается достаточно высокий уровень жизни. Экономика стран Прибалтики находится на грани выживания. Украина в следующем году потратит половину своего бюджета на выплату долгов, при этом доходная часть бюджета в значительной мере состоит из заимствований. Если США узвнут во внутреннем конфликте, то они не смогут помочь своим европейским спутникам. Поэтому из Польши предпринимаются отчаянные попытки осуществить государственный переворот в Белоруссии по украинскому сценарию 2014 года, чтобы получить ресурс от приватизации белорусских предприятий и рынок для сбыта своих товаров. Но уже очевидно, что этот план провалился, и никакого ресурса Польша не получит.

События разворачиваются на фоне будущей пандемии коронавируса и карантинных мер, которые предпринимаются с разной строгостью в разных странах. Во всём мире разгораются протесты против карантина. Протестующие открыто скандируют "Путин! Путин!", что говорит о росте популярности русского президента в международном масштабе.

По отношению к России Европа занимает двойственную позицию. С одной стороны, история с Навальным говорит о том, что коллективный Запад надеется решить свои проблемы за счёт расчленения России методами "мягкой силы". Опыт падения СССР позволил получить сверхдоходы транснациональным корпорациям, давший им новые колоссальные рынки для сбыта своей продукции, очень хочется повторить ещё раз, теперь с Российской Федерацией. Но сейчас у Российского государства уже есть опыт противостояния технологиям "оранжевых революций", да и оппозиционные лидеры не имеют для осуществления этого сценария ни морального авторитета, ни достаточного политического веса. С другой стороны, всё больше наблюдается тенденция "каждый сам за себя". Раскол в коллективном Западе виден невооружённым глазом. Так, например, Германия, осуществляя сценарий с "отравлением" Навального, всё-таки выступает за окончание строительства "Северного потока — 2". Франция также избегает прямой конфронтации с Россией, поскольку Париж понимает, что после ухода США с позиции мирового лидера мир в Европе без Москвы невозможен.

Соединённые Штаты, в свою очередь, говорят о наложении новых санкций, новых обвинений в адрес России. Однако при этом для США основным противником на мировой арене всё-таки является Китай. Идёт активная игра по привлечению Москвы на свою сторону со стороны Вашингтона и Пекина. И пока что Москве удаётся сохранять равновесие, не поддерживая ни ту, ни другую сторону.

Итак, с одной стороны Россия столкнулась с опасностью попыток западных держав выйти из кризиса за счёт её распада. Однако для России открывается и уникальные возможности. Если США освобождают от своего влияния восточно-европейские территории, то Россия может претендовать на то, чтобы включить их в орбиту своего влияния. В первую очередь речь идёт об Украине, которая находится на грани экономического и политической катастрофы. Единственное, что её спасает от падения в бездну — это поддержка США. Без неё страну ожидает хаос и распад. Однако эти возможности не ограничиваются. Всё больше симпатий к России возникает уже не только в Восточной, но и в Западной Европе. Скандирующие "Путин!" манифестанты в Берлине — это феномен, который нельзя не учитывать.

Готова ли Россия к тому, чтобы воспользоваться открывающимися возможностями? Вопрос открытый, по наблюдениям автора, скорее, нет, готова. У России практически отсутствуют инструменты "мягкой силы", экономический блок находится в руках сторонников либеральной экономической модели, которая не позволяет добиться экономического роста в условиях надвигающегося мирового экономического кризиса. Самый действенный ресурс — это вооружённые силы, которые показали свою эффективность в локальных конфликтах. Однако их в предстоящем противостоянии будет недостаточно.

Время ещё есть, ещё можно рывком нарастить мышцы "мягкой силы", взаимодействие с лояльными политическими кругами в странах Восточной Европы. Но самое главное — необходим новый цивилизационный проект. Проект альтернативный западной антиутопии, которая вызывает у самих жителей Запада стойкое отторжение и желание иного варианта будущего. У России есть шанс поднять флаг нового цивилизационного проекта и стать его центром. Это вполне возможно. Но "может" — не значит "будет".

Антон ГУРЬЯНОВ